

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.11>

UDC 94:908«1920/1939»
LBC 63.521(=4)

Submitted: 07.02.2023
Accepted: 08.05.2023

COSSACK EMIGRANTS IN CZECHOSLOVAKIA IN 1921–1939

Oleg V. Ratushnyak

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The purpose of this study is to analyze key aspects of the lives and details of Cossack emigrants in the Czechoslovak Republic (ČSR). *Methods and materials.* Within the research process, the author relied mainly on the following methods: narrative, historical-genetic, comparative-historical, and the method of analogies. The sources used were regulatory legal acts and office documents of the government and several ministries of the Czechoslovak Republic, speeches by individual representatives of the Czechoslovak ruling circles, documents of various organizations and societies, orders and decrees of army atamans, periodical press materials, and sources of private origin. *Analysis.* Most Cossacks moved to Czechoslovakia from Turkey and Greece, where they ended up after the evacuation from Crimea. The organization of the Cossacks' move to Czechoslovakia was carried out mainly by public associations and societies. The first part of the Cossacks arrived in Czechoslovakia in June 1921. By the beginning of 1922, about 3,000 Cossacks were stationed on the territory of Czechoslovakia. The Cossacks received great support as part of the campaign to help Russian refugees. Within Czechoslovakia, the Cossacks formed public associations in the form of villages and khutors, as well as workers' artels, in order to obtain and perform various jobs. Most Cossacks living in Czechoslovakia were involved in agriculture. Atamans of Cossack troops tried in every possible way to counteract the assimilation of Cossacks. Many Cossacks, after getting an education, were trying to leave Czechoslovakia for other states, mainly for France. *Results.* A comparative analysis showed that the Cossacks generally adapted more easily to the conditions of life in the position of an emigrant than most representatives of other parts of the Russian emigration. At the same time, the problem of assimilation among the Cossacks was sometimes quite acute and required the adoption of effective measures by their leaders. One of these measures was the popularization among the Cossacks of facts from their historical past and the preservation of historical memory. Not least, it was contributed by the Cossack historical commissions and archives.

Key words: Czechoslovakia, Czechoslovak Republic, Cossacks, Cossackdom, emigration.

Citation. Ratushnyak O.V. Cossack Emigrants in Czechoslovakia in 1921–1939. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 5, pp. 137-147. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.11>

УДК 94:908«1920/1939»
ББК 63.521(=4)

Дата поступления статьи: 07.02.2023
Дата принятия статьи: 08.05.2023

КАЗАКИ-ЭМИГРАНТЫ В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1921–1939 ГОДАХ

Олег Валерьевич Ратушняк

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Цель данного исследования – анализ ключевых аспектов жизни и детальности казаков-эмигрантов в Чехословацкой Республике (ЧСР). *Методы и материалы.* В процессе исследования

автор опирался преимущественно на такие методы как: нарративный, историко-генетический, сравнительно-исторический и метод аналогий. В качестве источников использовались нормативно-правовые акты и делопроизводственные документы правительства и отдельных министерств ЧСР, выступления отдельных представителей правящих кругов ЧСР, документы различных организаций и обществ, приказы и распоряжения войсковых атаманов, материалы периодической печати и источники личного происхождения. *Анализ.* Большинство казаков переехали в Чехословакию из Турции и Греции, где они оказались после эвакуации из Крыма. Организацией переезда казаков в Чехословакию занимались преимущественно общественные объединения и общества. Первая партия казаков прибыла в Чехословакию в июне 1921 года. К началу 1922 г. на территории Чехословакии размещалось около 3 тыс. казаков. Большую поддержку казаки получали в рамках акции помощи русским беженцам. В Чехословакии казаки образовывали общественные объединения в виде станиц и хуторов, а также рабочие артели в целях получения и выполнения различных работ. Большинство казаков, проживавших в Чехословакии, были задействованы в сельском хозяйстве. Атаманы казачьих войск пытались всячески противодействовать ассимиляции казаков. Многие казаки, получив образование, стремились выехать из Чехословакии в другие государства, преимущественно во Францию. *Результаты.* Сравнительный анализ показал, что казаки в целом легче адаптировались к условиям жизни на положении эмигранта, чем большинство представителей других частей российской эмиграции. В то же время проблема ассимиляции казачества порой стояла довольно остро и требовала принятия действенных мер со стороны его лидеров. В качестве одной из таких мер были мероприятия, направленные на популяризацию среди казаков фактов из исторического прошлого казачества и сохранении исторической памяти. Этому способствовали в том числе и казачьи исторические комиссии и архивы.

Ключевые слова: Чехословакия, Чехословацкая Республика, казаки, казачество, эмиграция.

Цитирование. Ратушняк О. В. Казаки-эмигранты в Чехословакии в 1921–1939 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 5. – С. 137–147. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.5.11>

Введение. Миграционные процессы всегда были неотъемлемой частью развития человеческого общества. Мигранты порой существенно влияли на принимающие их сообщества и сами зачастую изменялись под воздействием процессов ассимиляции и аккультурации. В силу данных исторических фактов, проблема изучения жизни и адаптации мигрантов в принимающих государствах актуальна и в настоящее время. Анализ адаптации иммигрантов в принимающих сообществах позволяет выявить положительные и негативные факторы их влияния, а тем самым более правильно выстроить миграционную политику государства. В то же время анализ процессов, протекающих в среде самих эмигрантов, позволяет делать определенные прогнозы относительно их будущего поведения, включая возможность последующей реэмиграции. В настоящее время – время гибридных и информационных войн, время фальсификации истории и «фейковых» новостей, – становится актуальным изучение ключевых аспектов российской истории и, в том числе истории российской эмиграции, составной частью которой являлись казаки-эмигранты. Выбор Чехословакии в качестве географичес-

кой границы исследования обусловлен, с одной стороны, той поддержкой, которую оказало чехословацкое правительство российским эмигрантам в рамках акции помощи русским беженцам («русской акции»), с другой стороны, тем вкладом, который внесли отдельные представители российского зарубежья в социально-экономическую и социально-культурную жизнь чехословацкого общества.

Новизна исследования определяется как теми акцентами, которые выделены в процессе изучения документальных источников, так и введенными в научный оборот архивными материалами.

Цель данного исследования – анализ ключевых аспектов жизни и детальности казаков-эмигрантов в Чехословацкой Республике (далее – ЧСР). В рамках достижения данной цели акцентируется внимание: на поддержке, которую оказало чехословацкое правительство казакам-эмигрантам (ее целевой направленности, причинам и результатам); проблеме адаптации казаков к жизни в условиях эмиграции, в том числе факторах, способствующих и/или препятствующих потере ими своего казачьего самосознания и казачьей идентичности.

Методы и материалы. В процессе исследования автор опирался преимущественно на такие методы как нарративный, историко-генетический, сравнительно-исторический и метод аналогий. Использование нарративного (описательно-повествовательного метода) оправдано в связи с введением в научный оборот некоторых документов и, как следствие, малоизученных фактов и событий. Историко-генетический метод позволил выявить основные аспекты складывания в Чехословакии своеобразной казачьей диаспоры. В рамках сравнительно-исторического метода и метода аналогий удалось выявить общее и особенное в процессе адаптации российских эмигрантов в целом и казаков-эмигрантов как составной части российского зарубежья.

В качестве источников для раскрытия и решения поставленных задач использовались нормативно-правовые акты и делопроизводственные документы правительства и отдельных министерств Чехословацкой Республики, которые позволили не просто увидеть меры, предпринимаемые в отношении казаков-эмигрантов, но и их целевую направленность. Этому помог и анализ выступления отдельных представителей правящих кругов ЧСР. Анализ документов различных организаций и обществ, а также приказов и распоряжений войсковых атаманов позволил раскрыть их роль в решении тех или иных проблем, стоявших перед казаками, прибывшими в Чехословакию. Широко использованы материалы периодической печати и источники личного происхождения.

В научный оборот вводятся документы Национального архива Чехии (в первую очередь – фонд Министерства иностранных дел Чехии) и Славянской библиотеки в г. Праге (в частности, документы о кубанском и донском эмигрантских архивах).

В своем исследовании автор опирался в том числе и на результаты, полученные в ходе ранее проведенных исследований, в которых затрагивались проблемы, связанные с пребыванием казаков-эмигрантов в Чехословацкой Республике [16] и определением казачества как объекта исследования [17], а также на труды отечественных и зарубежных исследователей, занимавшихся проблемами российской эмиграции в Чехословакии: К.Б. Его-

ровой [6], Л.С. Кишкина [9], Е.П. Серапионовой [20; 21], И.И. Бондаренко, Й. Долейши [1], Л. Гарбулевой [5], А. Копршиевой [10], З. Сладека [23; 24].

Анализ. В результате Гражданской войны в России и последующей эмиграции участников антибольшевистского движения за границей оказались и уроженцы казачьих краев и областей. Представители донского, кубанского и терского казачества обосновались преимущественно в европейских государствах. Наибольшее их количество первоначально разместились в Турции и Греции, а затем оттуда в течение первой половины 1920-х гг. расселились практически по всей Европе. Казаки, находившиеся в составе строевых частей Русской армии генерала П.Н. Врангеля, были размещены в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) и Болгарии. В переселении их в данные государства принимали участие не только штаб генерала Врангеля, но и атаманы Донского (генерал А.П. Богаевский) и Кубанского (генерал В.Г. Науменко) казачьих войск. Перевозкой и размещением казаков из числа гражданских беженцев занимались преимущественно различные благотворительные и общественные организации.

Чехословацкая Республика была одним из государств, привлекавшим особое внимание казаков-эмигрантов. Страна после Первой мировой войны в значительной степени нуждалась в рабочих руках в сфере сельского хозяйства. Некоторые казаки с надеждой смотрели на ЧСР как государство, предоставлявшее возможность получить или продолжить образование. Особый интерес к переезду в Чехословакию проявляли казаки из числа гражданских беженцев и тех, кто решил покинуть ряды Русской армии генерала П.Н. Врангеля. Не случайно, что организацией их переезда в Чехословацкую Республику занимались преимущественно общественные казачьи объединения и общества, в частности Общеказачий сельскохозяйственный союз (далее – ОСХС).

Принимая решение об организации переезда казаков в Чехословакию, правление ОСХС руководствовалось двумя основными факторами. Во-первых, Чехословацкая Республика остро нуждалась в рабочих руках, в том числе в сфере сельского хозяйства, куда стремились устроиться большинство выход-

цев из казачьих областей и краев. Во-вторых, в политической жизни ЧСР преобладали политические партии и группы демократической направленности, близкие по своему духу российским кадетам и правым эсерам, а подавляющее большинство деятелей ОСХС разделяли преимущественно взгляды правых социалистов-революционеров.

Первая партия казаков-эмигрантов прибыла в Братиславу в качестве членов ОСХС в июне 1921 года. Она состояла из 80 казаков. Активная деятельность правления ОСХС и репутация казаков не только как отличных воинов, но и грамотных земледельцев привела к тому, что к казакам проявило интерес крупнейшее сельскохозяйственное объединение земледельцев Чехословакии – «Земледельческое объединение в ЧСР». Именно оно пролоббировало вопрос о том, чтобы в числе российских эмигрантов, прибывающих в страну, было не менее 50 % представителей казачьих краев и областей [23, с. 25].

Привлекательность Чехословакии в качестве места пребывания для российских эмигрантов обуславливалась, акцией помощи русским беженцам, которую инициировало руководство Чехословацкой Республики. Концептуальную составляющую «русской акции» озвучил в конце 1921 г. министр иностранных дел ЧСР Э. Бенеш. Он акцентировал внимание на гуманитарном характере данной акции, выражавшейся, в создании благоприятных социально-экономических условиях проживания в Чехословакии беженцев из России. Одной из составляющих «русской акции» была возможность получения (в том числе завершения) образования русскими эмигрантами. Заявляя о неполитическом, гуманитарном характере «русской акции» чехословацкое правительство при этом рассчитывало на то, что в будущем данная акция может принести и определенные политические дивиденды [24, с. 32].

Президент ЧСР Т. Масарик в 1923 г. заявил, что Чехословакия обязана собрать и сохранить лучшие культурные силы российской эмиграции. В результате был окончательно определен характер «акции русской помощи» как ориентированной в основном на культурно-образовательную сферу [23, с. 26].

В сентябре 1921 г. представитель Чехословацкой Республики в Стамбуле (Турция)

получил разрешение от министерства иностранных дел ЧСР организовать отправку в Чехословакию 4 тыс. земледельцев из числа российских беженцев, размещенных в Турции и Греции. При этом было дано особое распоряжение о том, что не менее 50 % из них должны быть выходцами из казачьих краев и областей России. Дополнительно разрешалось принять 1 тыс. российских беженцев, желающих получить образование в ЧСР. К формированию списка казаков, получивших разрешение на въезд в Чехословацкую Республику, были привлечены и лица, входившие в правление ОСХС [23, с. 25].

К началу 1922 г. на территории Чехословацкой Республики размещалось около трех тысяч казаков. За социально-культурную адаптацию российских мигрантов в стране отвечало Министерство иностранных дел ЧСР [25, с. 443]. Трудоустройством беженцев и в том числе казаков занималось «Земледельческое объединение в ЧСР» и созданная при ней русско-чешская административная комиссия во главе с донским казаком, генералом Г.И. Долгопятовым. Комиссия оказывала помощь и содействие в решении социально-экономических, правовых и бытовых проблем российских эмигрантов, работавших в сфере сельского хозяйства. И деятельность административной комиссии, и деятельность МИД в рамках «русской акции» координировались и направлялась правительством Чехословацкой Республики [27, с. 157]. При этом поддержка российских беженцев, проявленная чехословацким правительством, приняла значительные масштабы [11, с. 136]. Данная поддержка, особенно ярко проявившаяся в отношении тех российских беженцев, которые стремились получить образование, была значимым стимулом для въезда казаков-эмигрантов в Чехословакию. Чешская Республика, также как Болгария, Польша, Румыния, Югославия привлекали беженцев из казачьих краев и тем, что находились относительно близко к территории России, а на протяжении 1920–1930-х гг. российские эмигранты жили надеждой на возвращение на родину вследствие возможных изменений социально-политического характера в СССР.

Традиционно считается, что в 1920–1930-е гг. Прага стала одним из наиболее

крупных общественно-политических, культурных и научных центров Русского зарубежья. И это, несомненно, так, но в Чехословакии были и другие значимые центры (Пшибрам в Чехии, Братислава в Словакии и Брно в Моравии), в которых проявилась активная деятельность российских беженцев, включая казаков [1, с. 3].

Отметим, что поток казаков-эмигрантов двигался как в сторону Чехословакии, так и на выезд из нее. Причины такого «двустороннего движения» имели как экономические, так и социальные обстоятельства. С одной стороны, более высокий уровень жизни в таких государствах как Франция привлекал внимание многих казаков-эмигрантов и побуждал их покинуть Чехословакию. С другой – послевоенный экономический кризис, так же, как и кризис конца 1920-х – начала 1930-х гг., ударил по Чехословакии не так сильно, как по многим другим государствам, и в ней, по-прежнему, было легче найти работу, чем в государствах с более высоким уровнем жизни. Чехословацкая Республика манила многих казаков-эмигрантов перспективой получения образования. В то же время, получив заветное образование, казаки лишались возможности найти работу по специальности на территории Чехословакии, так как при получении диплома вынуждены были одновременно подписывать документ об отказе от работы по специальности в пределах Чехословацкой Республики, не имея чехословацкого гражданства. Это также побуждало их покидать страну в поисках работы по специальности. К тому же, получив образование, казаки теряли возможность получать материальную поддержку со стороны чехословацкого правительства в рамках «русской акции» [8, с. 92].

Установление советско-чехословацких дипломатических отношений привело к изменению позиции правительства ЧСР в отношении эмигрантов из России и к постепенному свертыванию «русской акции», прекратившей фактически свое существование с началом мирового экономического кризиса в конце 1920-х годов. Особенно больно по социально-экономическому положению казаков-эмигрантов ударил закон об охране рынка труда, принятый в ЧСР в 1928 году. Его принятие привело к значительным сложностям в получении

работы на территории Чехословацкой Республики российскими иммигрантами. Данный закон поставил многих эмигрантов перед трудным выбором: постараться принять чехословацкое гражданство или выехать из страны в поисках трудоустройства в других государствах [7]. В годы кризиса усилилось неприязненное отношение со стороны части местного населения к иммигрантам, включая казаков [8, с. 86, 90]. Это выражалось в том числе и в недобросовестном соблюдении местными хозяевами условий оплаты труда в отношении иммигрантов [24, с. 33].

Большинство казаков-эмигрантов связывало изменение политики и отношения чехословацких властей с развитием и упрочением связей между СССР и ЧСР [27, с. 158]. Наиболее явно это проявилось во второй половине 1930-х гг., после заключения советско-чехословацкого договора о взаимопомощи, который возлагал на чехословацкое правительство обязательство не оказывать помощь и поддержку организациям и обществам, настроенным против СССР [1, с. 155]. К таким объединениям фактически относилось подавляющее большинство организаций и обществ, созданных казаками-эмигрантами. В противовес белоэмигрантским объединениям в Чехословацкой Республике создаются Общество культурных и политических связей с СССР и Союз друзей СССР. Иногда данные организации существовали самостоятельно, практически игнорируя друг друга, но периодически между ними начиналась ожесточенная борьба «за умы и настроения» эмигрантов из России, проживавших в Чехословакии. Это борьба редко выходила за пределы полемики и дискуссий на страницах печатных изданий.

Сравнительный анализ жизни различных групп российской эмиграции в Чехословацкой Республике показывает, что казаки легче адаптировались к местным условиям жизни, чему в значительной степени способствовала их приспособленность к тяжелому труду, проживанию в сельской местности (где более были востребованы рабочие руки). В силу большей социально-бытовой близости к жителям сельских населенных пунктов и пригородов крупных городов выходцам из казачьих краев и областей было проще «найти общий язык» с местным населением. В отли-

чие от определенной категории российской диаспоры у казаков не наблюдалось высокомерного отношения к местному населению, проявлявшегося порой во взаимоотношениях представителей больших и малых народов. Все это отражалось и на отношении местного населения к казакам, которое часто было более дружелюбным к ним, чем к другим представителям российской эмиграции. В свою очередь, также способствовало более легкой адаптации казаков к жизни в Чехословакии.

Адаптации казаков к условиям жизни за рубежом способствовало и то обстоятельство, что для казаков в значительной степени было характерно стремление к тесным связям со своими земляками, станичниками, «однополчанами» и, как следствие, к компактному проживанию в местах своего пребывания. В Чехословакии, как и в других государствах, казаки объединялись в рабочие артели, а также в казачьи станицы и хутора, являвшиеся своеобразными обществами взаимопомощи, а также местом, где казаки в свободное время получали возможность общаться со своими земляками, организовывать и проводить различные мероприятия благотворительного и культурно-развлекательного характера, вместе отмечать традиционные, чаще всего религиозные праздники [5, с. 414, 418]. Данные объединения строились на разных основаниях. Чаще всего это были объединения казаков – выходцев из одной казачьей области или одного казачьего края. Иногда объединения носили общеказачий характер и включали в себя представителей нескольких казачьих войск. Порой казаки объединялись на основе принадлежности к одной войсковой части, хотя подобное объединение было больше характерно для казаков, проживавших в Югославии, Болгарии и Франции. В Чехословацкой Республике чаще встречались объединения казаков-студентов, образовывавших свои студенческие казачьи станицы и хутора. К 1923 г. подобные студенческие объединения были созданы в нескольких городах Чехословакии. Создание в ЧСР студенческих казачьих объединений было связано и с тем, что чехословацкое правительство в рамках «русской акции» выдавало стипендии казакам-студентам преимущественно через подобные организации. В 1920-е гг. получателями материальной

помощи от правительства ЧСР и чехословацкого Крестного Креста было более 85 % казаков, получающих образование [23, с. 31] как в чехословацких образовательных заведениях, так и в учебных заведениях, созданных российскими эмигрантами подобно Сельскохозяйственной Академии в Подебрадах. Казаки также пользовались помощью и поддержкой со стороны как своих казачьих организаций (например, Общеказачий сельскохозяйственный союз), так и со стороны общероссийских организаций (например, Земгор – Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей). Данные помощь и поддержка носили преимущественно не материальный, а культурно-просветительный характер. Иногда они выражались в оказании содействия при поиске и устройстве на работу [28].

Тот факт, что большинство казаков, проживавших в Чехословакии, были задействованы в сельскохозяйственном производстве и их длительный отрыв во время сезона работы от своих соотечественников способствовал ассимиляции части казачества. Эта тенденция в казачьей эмигрантской среде была замечена общественно-политическими деятелями зарубежного казачества. Ими разрабатывались различные мероприятия по противодействию процессам ассимиляции казаков принимающим сообществом. С этой же целью в Праге в середине 1920-х гг. было основано Общество по изучению казачества, целью которого было сохранить казачьи традиции и, как следствие, казачье самосознание и идентичность в условиях эмиграции [26, л. 1].

Вообще проблема сохранения казачьей идентичности и борьба с потенциальной ассимиляцией казаков-эмигрантов была не менее острой, чем социально-экономические и политические проблемы. Войсковые атаманы отмечали, что жизнь за рубежом на положении беженцев разлагающе влияла на казаков. Многие атаманы пытались всяческими путями препятствовать их ассимиляции [4, с. 30]. Решением проблемы ассимиляции и утраты казаками-эмигрантами казачьего самосознания и своей идентичности озаботились не только войсковые атаманы и общественно-политические деятели казачества, но и рядовые казаки. Одним из путей решения данной про-

блемы виделась необходимость сохранения и распространение исторических знаний и, в первую очередь, исторических фактов из истории казачества. Не случайно в эмиграции, в том числе и Чехословацкой Республике, издавалось множество различных печатных изданий (газет, журналов, альманахов), в которых в большом изобилии печатаются различные исторические сведения из прошлого казачества и казачьих краев и областей.

В целях сохранения и последующей популяризации исторических знаний о прошлом казачьих краев и областей и истории казачества в эмиграции были созданы Исторические комиссии Всевеликого войска Донского (далее – ВВД) и Кубанского казачьего войска (далее – ККВ), а также Донской и Кубанский казачьи архивы. Казачьи архивы, также как и основной архив российских эмигрантов, размещались преимущественно в ЧСР.

Донской казачий архив (далее – ДКА) в эмиграции был создан на базе Донского исторического архива, вывезенного в декабре 1919 г. из Новочеркасска, и весной 1920 г. – за границу, в Константинополь, а затем некоторое время по согласованию с военным министром Королевства сербов, хорватов, словенцев – находился в Белграде на территории крепости. Основу Донского исторического архива составляли преимущественно документы, созданные и переданные в архив еще до эвакуации его из Новочеркасска. В начале 1925 г. Донской исторический архив был перевезен в Прагу. Первоначально его деятельность финансировалась в рамках «русской акции» [13]. Отметим, что, хотя руководители ОСХС представляли левое крыло общественно-политического спектра казачьей эмиграции, это не мешало сотрудникам Донского казачьего архива наладить связь с различными казачьими организациями и обществами от монархической направленности до самостоятельных [15]. В 1934 г. ДКА был включен в состав Российского заграничного исторического архива (РЗИА), созданного российскими эмигрантами за рубежом [19, с. 42–43]. До 1936 г. заведующим Донским историческим архивом (а позже – Донским казачьим отделом) был П.А. Скачков. Формально он оставался в подчинении атамана Всевеликого войска Донского генерала А.П. Богаевского.

Фактически контроль и руководство архивом осуществляло Министерство иностранных дел Чехословацкой Республики, которое в рамках «русской акции» финансировало деятельность РЗИА и соответственно ДКА, в том числе выделяло средства на зарплату сотрудникам архива, канцелярские расходы, оплату аренды помещений, в которых располагался архив и т. п. Основными задачами архива были хранение и исследование документов в первую очередь по истории донского казачества. За рубежом ДКА постоянно пополнялся за счет материалов, передаваемых преимущественно казаками-эмигрантами, как на постоянное, так и на временное хранение [12, л. 179–179 об., 193].

Учитывая, что большинство архивных материалов Кубанского казачьего войска остались на родине, в 1925 г. в Чехословакии был создан Кубанский заграничный архив, основными задачами которого были хранение и изучение материалов по истории кубанского казачества и Кубанской области. Архив был создан известными общественно-политическими деятелями Кубани, проживавшими в Чехословацкой Республике. Совет архива возглавили Ф.А. Щербина и Л.Л. Быч [14].

Лидеры казачества видели, что эмиграция разлагающе действует на казаков в плане утраты ими казачьего самосознания. Для противодействия данному процессу было решено активно популяризовать среди казаков историю казачьих войск и в первую очередь наиболее яркие страницы исторического прошлого казачества и казачьих краев и областей. Атаманы казачьих войск видели в распространении исторических знаний среди казаков-эмигрантов средство для своеобразной консервации казачьего самосознания и казачьей идентичности. С этой целью весной 1923 г. распоряжением атамана Всевеликого войска Донского генерала А.П. Богаевского была создана Донская историческая комиссия во главе с В.А. Харламовым. Комиссии поручалось: сбор, обработка и популяризация материалов по истории донского казачества. В отличие от Донского исторического архива, который также продолжал собирать документы по дореволюционной истории ВВД, Донская историческая комиссия сосредоточила свое основное внимание на поиске и публика-

ции документов, созданных после революции 1917 г. [22, л. 3а]. По поручению А.П. Богаевского председатель Донской исторической комиссии В.А. Харламов ходатайствовал перед министерством иностранных дел Чехословацкой Республики о перевозке Донского исторического архива в Прагу [18, с. 52–53].

Историческая комиссия Кубанского казачьего войска была создана только в 1936 году. Учитывая значимость работы, которая возлагалась на данную комиссию, атаман ККВ за рубежом генерал В.Г. Науменко лично возглавил ее деятельность в качестве председателя [2, с. 27–28].

Отметим, что исторические материалы, подготовленные и опубликованные историческими комиссиями донского и кубанского казачьих войск, пользовались большой популярностью в казачьей среде. Это объяснялось тем, что в эмиграции с особой силой возник интерес казаков-эмигрантов к историческому прошлому казачества, а также своих краев и областей [3, с. 41]. Популяризация подобного рода материалов, действительно, в определенной степени способствовала сохранению казаками своей казачьей идентичности и казачьего самосознания в сложных реалиях жизни в условиях эмиграции.

Результаты. Перевозка казаков в Чехословакию из Турции и Греции велась преимущественно организовано и проводилась при содействии в первую очередь ОСХС и министерства иностранных дел ЧСР. Казаков, прежде всего, привлекали два фактора жизни в Чехословакии – возможность получить образование и возможность найти работу в сельской местности. Основную материальную поддержку казаки получали в рамках «русской акции», которая носила преимущественно гуманитарный характер и была ориентирована на культурно-образовательную сферу. Трудоустройство казаков курировало объединение земледельцев Чехословакии, а социально-культурную адаптацию – МИД ЧСР. На политику чехословацких властей в отношении иммигрантов из России влияли как социально-экономическая обстановка в стране (например, экономические кризисы), так и внешнеполитические события (например, установление и развитие отношений с СССР). Казаки в целом легче адаптировались к условиям

жизни на положении эмигранта, чем большинство представителей других групп российской эмиграции. В то же время проблема ассимиляции казачества порой стояла довольно остро и требовала принятия действенных мер со стороны его лидеров. В качестве одной из таких мер были мероприятия, направленные на популяризацию среди казаков фактов из исторического прошлого казачества и сохранении исторической памяти. Этому в частности способствовали казачьи исторические комиссии и архивы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко И. И., Долейши Й. Летопись казачества. Казаки в Центральной Европе. Братислава: Европ. Центр изобраз. искусств, 2013. 528 с.
2. Вольная Кубань. Белград, 1936. № 2. С. 27–28.
3. Воспоминания С.Ю. Улагая. Ч. 3 // Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 37.
4. Ганин А. В. Оренбургское казачье войско в Гражданской войне и в эмиграции. 1917–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 25–30.
5. Гарбулева Л. Очерк из жизни русской эмиграции в Словакии в 1939–1945 гг. // The History of East Central Europe and Russia / ed. by P. Roubal and V. Veber. Prague: Nat. libr. of the Czech rep. Slavonic libr., 2004. P. 410–428.
6. Егорова К. Б. «Русская акция» Т.Г. Масарика в поддержку образования детей из семей русских эмигрантов // Мир детства в русском зарубежье. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 28–34.
7. Интервью с Копршиновой. 12.05.2015, г. Прага (Чехия). Аудиозапись // Личный архив Ратушняка О.В.
8. Келин Н. А. Казачья исповедь // Казачья исповедь. Жертвы Ялты / Н. А. Келин, Н. Д. Толстой. М.: Воениздат, 1996. С. 5–136.
9. Кишкин Л. С. Русская эмиграция в Праге // Славяноведение. 1995. № 4. С. 17–26.
10. Копршинова А. Российские эмигранты во Вшенорах-Мокропсах-Черношицах (двадцатые годы 20-го века). Прага: Нац. б-ка Чеш. Респ. : Слав. б-ка, 2000. 33 с.
11. Мейснер Д. Миражи и действительность. М.: Новости, 1966. 302 с.
12. О сдаче Донского казачьего архива на хранение в Русский исторический заграничный архив // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6532. Маракуев С.В. Оп. 1. Д. 81.

REFERENCES

13. Письмо заведующего Донским архивом П. Скачкова полномочному представителю МИД при РЗИА Я. Славику. 21.06.1930 // The Archive of the Slavonic Library of the National Library of the Czech Republic. F. ДКА. Karton 1.

14. Письмо Общества кубанцев в Чехословацкой Республике – Министерству иностранных дел Республики Чехословакия. 1935 г. // The Archive of The Slavonic Library of The National Library of the Czech Republic. F. Кубанский казачий архив. Karton 1.

15. Письмо Ф. Абрамова М.Д. Врангель от 22 февраля 1933 г., г. София (Болгария) // Hoover Institution Archives (Stanford University, USA). F. Baronessa M.D. Vrangal, 1915–1944. Box. 14. Folder 1.

16. Ратушняк О. В. Казаки в Чехословакии (ЧСР) // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность. Краснодар: [б. и.], 1999. С. 97–99.

17. Ратушняк О. В. Казачество в России и за рубежом в XX – начале XXI в.: проблема определения объекта исследования // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2016. С. 248–253.

18. Русские в Праге. 1918–1928. Прага: [б. и.], 1928. 343 с.

19. Русский заграничный исторический архив при МИД ЧСР в 1936. Прага: [б. и.], 1936. 47 с.

20. Серапионова Е. П. Правовое положение русских беженцев в Чехословакии // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб.: Сударыня, 2006. С. 140–152.

21. Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1995. 198 с.

22. Скачков П. От донской исторической комиссии // ГАРФ. Ф. 6532. Маракуев С.В. Оп. 1. Д. 136.

23. Сладек З. Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // Советское славяноведение. 1991. № 6. С. 24–37.

24. Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // Славяноведение. 1993. № 4. С. 28–39.

25. Телеграмма Министерства иностранных дел Чехословакии представительству в Константинополе об условиях направления солдат и офицеров армии Врангеля в Чехословакию. Прага, 12 октября 1921 г. // Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. М.: Наука, 1973. 551 с.

26. Устав Общества по изучению казачества // ГАРФ. Ф. 6473. Старииков Т.М. Оп. 1. Д. 196.

27. Хохульников К. Изгнанники // Дон. 1990. № 3. С. 153–158.

28. Ruské a ukrajinské spolky a organizace v ČSR // Národní archive. F. MZV-RPA. Karton 612.

1. Bondarenko I.I., Dolejši J. *Letopis kazachestva. Kazaki v Centralnoj Evrope* [Chronicle of the Cossacks. Cossacks in Central Europe]. Bratislava, Evrop. Centr izobraz. iskusstv, 2013. 528 p.

2. *Volnaja Kuban* [Free Kuban]. Belgrad, 1936, no. 2, pp. 27-28.

3. Vospominanija S.Ju. Ulagaja. Ch. 3 [Memoirs of S. Ulagay. Part 3]. *Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archive of the Krasnodar Krai], f. r-1864, inv. 1, d. 37.

4. Ganin A.V. *Orenburgskoe kazachye vojsko v Grazhdanskoj vojne i v emigracii. 1917–1945 gg.* [Orenburg Cossack Army in the Civil War and in Exile. 1917–1945]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Magazine], 2006, no. 8, pp. 25-30.

5. Garbuleva L. *Oчерk iz zhizni russkoj emigracii v Slovakkii v 1939–1945 gg.* [Essay on the Life of Russian Emigration in Slovakia in 1939–1945]. Roubal P., Veber V., eds. *The History of East Central Europe and Russia*. Prague, Nat. libr. of the Czech rep. Slavonic libr., 2004, pp. 410-428.

6. Egorova K.B. «Russkaja akcija» T.G. Masarika v podderzhku obrazovanija detej iz semej russkikh emigrantov [“Russian Aid Action” by T. Masaryk in Support of the Education of Children from Families of Russian Emigrants]. *Mir detstva v russkom zarubezhje* [The World of Childhood in the Russian Emigration Community]. Moscow, Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, 2011, pp. 28-34.

7. Intervyju s Koprshivovoj. 12.05.2015, g. Praga (Chehija). Audiozapis [Interview with Koprshivova. May 12, 2015, Prague (Czech Republic). Audio Recording]. *Lichnyj arhiv Ratushnyjaka O.V.* [Personal Archive of Ratushnyjak O.V.].

8. Kelin N.A. *Kazachya ispoved* [Cossack Confession]. Kelin N.A., Tolstoj N.D. *Kazachya ispoved. Zherty Jalty* [Cossack Confession. Victims of Yalta]. Moscow, Voenizdat, 1996, pp. 5-136.

9. Kishkin L.S. *Russkaja emigracija v Prage* [Russian Emigration in Prague]. *Slavjanovedenie* [Slavic Studies], 1995, no. 4, pp. 17-26.

10. Koprshivova A. *Rossijskie emigranty vo Vshenorah-Mokropsah-Chernoshicah (dvadcatye gody 20-go veka)* [Russian Emigrants in Všenors-Mokropss-Černošits (1920s)]. Prague, Nac. b-ka Chesh. Resp., Slav. b-ka, 2000. 33 p.

11. Mejsner D. *Mirazhi i dejstvitelnost* [Mirages and Reality]. Moscow, Novosti Publ., 1966. 302 p.

12. O sdache Donskogo kazachyego arhiva na hranenie v Russkij istoricheskij zagranichnyj arhiv [On Putting of the Don Cossack Archive in Storage in the Russian Historical Archive Abroad]. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation], f. 6532, Marakuev S.V., inv. 1, d. 81.

13. Pismo zavedujushhego Donskim arhivom P. Skachkova polnomochnomu predstavitelju MID pri RZIA Ja. Slaviku. 21.06.1930 [Letter from the Head of the Don Archive, P. Skachkov, to the Plenipotentiary Representative of the Ministry of Foreign Affairs at the Russian Historical Archive, Ya. Slavik. June 21, 1930]. *The Archive of the Slavonic Library of the National Library of the Czech Republic* (ASL), f. DKA. Karton 1.

14. Pismo Obshhestva kubancev v Chehoslovackoj Respublike – Ministerstvu inostrannyh del Respubliki Chehoslovakija. 1935 g. [Letter from the Society of Kubans in the Czechoslovak Republic to the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Czechoslovakia. 1935]. *The Archive of the Slavonic Library of the National Library of the Czech Republic*, f. Kubanskij kazachij arhiv, karton 1.

15. Pismo F. Abramova M.D. Vrangela ot 22 fevralja 1933 g., g. Sofija (Bolgarija) [Letter from F. Abramov to M.D. Wrangel Dated February 22, 1933, Sofia (Bulgaria)]. *Hoover Institution Archives (Stanford University, USA)*, f. Baronessa M.D. Vrangela, 1915–1944, box 14, folder 1.

16. Ratushnjak O.V. Kazaki v Chehoslovakii (ChSR) [Cossacks in Czechoslovakia (ČSR)]. *Tvorcheskoe nasledie F.A. Shcherbiny i sovremennost* [Creative Heritage of F. Shcherbina and Modern Era]. Krasnodar, s.n., 1999, pp. 97-99.

17. Ratushniak O.V. Kazachestvo v Rossii i za rubezhom v XX – nachale XXI v.: problema opredeleniia obiekta issledovaniia [The Cossacks in Russia and Abroad in the 20th – Early 21st Centuries: The Problem of Determining the Object of Research]. *Rossiiskoe nauchnoe zarubezhe: liudi, trudy, institutsii, arkhivy* [Russian Scientific Abroad: People, Works, Institutions, Archives]. Moscow, In-t ros. istorii RAN, 2016, pp. 248-253.

18. *Russkie v Prage. 1918–1928* [Russians in Prague. 1918–1928]. Prague, s.n., 1928. 343 p.

19. *Russkij zagranichnyj istoricheskij arhiv pri MID ChSR v 1936* [Russian Historical Archive Abroad Under the MFA of ChSR in 1936]. Prague, s.n., 1936. 47 p.

20. Serapionova E.P. *Pravovoe polozenie russkikh bezhentsev v Chekoslovakii* [Legal Status

of Russian Refugees in Czechoslovakia]. *Pravovoe polozenie rossiiskoi emigratsii v 1920-1930-e gody* [Legal Status of Russian Emigration in the 1920–1930s]. Saint Petersburg, Sudarnia Publ., 2006, pp. 140-152.

21. Serapionova E.P. *Rossiiskaia emigratsiia v Chekoslovatskoi respublike (20-30-e gody)* [Russian Emigration in the Czechoslovak Republic (1920–1930s)]. Moscow, In-t slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1995. 198 p.

22. Skachkov P. Ot donskoj istoricheskoi komissii [From the Don Historical Commission]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 6532, Marakuev S.V., inv. 1, d. 136.

23. Sladek Z. Russkaja i ukrainskaja emigracija v Chehoslovakii [Russian and Ukrainian Emigration in Czechoslovakia]. *Sovetskoe slavjanovedenie* [Soviet Slavic Studies], 1991, no. 6, pp. 24-37.

24. Sladek Z. Russkaja emigracija v Chehoslovakii: razvitie «russkoj akcii» [Russian Emigration in Czechoslovakia: Evolution of “Russian Aid Action”]. *Slavjanovedenie* [Slavic Studies], 1993, no. 4, pp. 28-39.

25. Telegramma Ministerstva inostrannyh del Chehoslovakii predstavitelstvu v Konstantinopole ob uslovijah napravlenija soldat i oficerov armii Vrangelja v Chehoslovakiju. Praga, 12 oktjabrja 1921 g. [Telegram from the Ministry of Foreign Affairs of Czechoslovakia to the Representation in Constantinople on the Conditions for Sending Soldiers and Officers of the Wrangel Army to Czechoslovakia. Prague. October 12, 1921]. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chehoslovackih otnoshenij. T. 1* [Documents and Materials on the History of Soviet-Czechoslovak Relations. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 551 p.

26. Ustav Obshhestva po izucheniju kazachestva [Charter of the Society for the Study of the Cossacks]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 6473, Starikov T.M., inv. 1, d. 196.

27. Hohulnikov K. Izgnanniki [The Exiles]. *Don*. Rostov on Don, 1990, no. 3, pp. 153-158.

28. Ruské a ukrajinské spolky a organizace v ČSR. *Národní archive*. f. MZV-RPA, karton 612.

Information About the Author

Oleg V. Ratushnyak, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, oleg_ratushnyak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9285-3649>

Информация об авторе

Олег Валерьевич Ратушняк, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, oleg_ratushnyak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9285-3649>